

Токаря вырвало кровью.

Он разлепил веки и беспомощно посмотрел по сторонам.

Нина сидела за столом. Перед ней стояла бутылка коньяка «Бисквит», почти полная. В руках девушка держала бутерброд с колбасой. Глядя на зашторенное окно, она неторопливо откусывала от бутерброда небольшими кусочками и запивала коньяком.

— Ни... Нина, — позвал ее Токарь. В горле что-то заклокотало, он закашлялся. Из рта вырвался сгусток темной крови.

Нина встрепенулась.

— Ой, милый, ты очнулся! — она быстро запихала в себя остатки бутерброда. — Наканефто, — радостно сказала с набитым ртом. — Ну и беспорядок вы тут устроили, ужаф. Ты только глянь. Ох уж мне эти брутальные альфа-самцы. А убираться, конечно, всегда нам приходится, вашим женщинам.

— Нинок, мне, по ходу, врач нужен, — Токарь оттянул ворот футболки и посмотрел на свои раны. «Херово, очень херово», — подумал он, глядя на две небольшие дырочки в животе, из которых толчками вытекала кровь.

Он попробовал встать, приподнялся на руках и, застонав, свалился обратно: боль, совершенно невыносимая, пронзила его живот, словно кишки накручивали на раскаленный докрасна стальной вертел.

Нина взволнованно посмотрела на него.

— Боже, я надеюсь, ты не подумал, что я сержусь на тебя за этот бардак, нет?

Забыв о боли, Токарь изумленно вытаращился на девушку, в надежде, что ему послышалось.

— Что?

— Я говорю, что не сержусь на тебя за то, что вы тут устроили, не думай, будто я какая-то там белоручка, я все уберу, а ты отдыхай. Впрочем, — она погрузнела, — кому это теперь нужно?

— Какая уборка, Нина? Ты рехнулась?! Че ты не-сешь?.. кхе-кхе... мне к доктору надо, ты не видишь, что ли? Тут, кажись, все очень плохо.

Нина глотнула коньяк из бутылки, поморщилась и встала из-за стола.

— Вот откуда? Откуда, спрашивается, у Марины может быть дорогой коньяк? Водка там, самогон или простенькое винишко — это я понимаю, но бутылка «Бисквита», — она хохотнула с веселым изумлением, — это просто чудо, я...

— Ты спятила, что ли?! — собрав последние силы, крикнул Токарь. Его вновь засасывало в черную бездну беспамятства. Он встряхнул головой, сплюнул стусток бордовой пенящейся крови и обессиленно откинулся головой на печку.

Нина умолкла. Она смотрела на Токаря глазами обиженного ребенка, на которого накричали ни за что ни про что суровые родители.

— У тебя крышка поехала? — слабо сказал Токарь. — Я, блять, кровью истекаю. У меня в животе

две пули. Я могу кишки свои пальцем потрогать. Что с тобой, твою мать?!

— Я просто подумала, что тебя это тоже обрадует, поднимет настроение, — она поджала губы, стараясь не разреветься от обиды, — ну и ладно, — плюхнулась на диван, щелкнула пультом от телевизора и, нахмурившись, принялась беспрерывно листать каналы.

Токарь не верил своим глазам.

— Ты че делаешь? Ты... ты собираешься смотреть телик?

В ответ Нина фыркнула:

— Я с тобой не разговариваю.

«Она не *играет*, — в полном изумлении понял Токарь, — она действительно не в себе!»

Страх комом застрял в его горле.

Пролог

— Я прошу прощения, но в нашем ресторане не курят. Потушите, пожалуйста, сигарету.

— Да отдыхай. Мы тут вдвоем. Кому мешаем?

— И все же. Вам стоит потушить сигарету.

— Те делать больше не хуй? Заказ лучше прими. Две бутылки минералки — любой, холодной, и ченить пожрать на твой выбор.

— Простите, но я вынужден позвать...

— Слышь, отъебись, олень, пока я тебе ебасос не разбил! И так башка трещит, еще и ты меня дрочить будешь?

— Винстон, ну его в жопу. Лучше потуши. За последние шесть лет много че поменялось. Ща ваще нигде курить нельзя. А у меня нет настроения пиздить охранника.

— Че за дерьмо?! Ладно, вот. Доволен? Теперь пиздуй за заказом. С ума, блять, сойти можно! На зоне и то свободы больше было. Токарь, есть че-нить от башки?

— Не-а.

— Отвык я от похмелья. Ладно. Короче, слушай. Ты помнишь Мишку-цыгана?

— Мишку, Мишку... Барыгу этого всесоюзного, что ли?

— Да.

— А то! Хе-хе. Этот гондон в свое время половину Подмосковья героином завалил. Почти все точки его были.

— Угу. Он в прошлом месяце тянул большую «коляску» в лагерь. «Пороха» могло бы хватить для того, чтоб вся зона неделю летела не просыхая.

— Ваша вода. Завтрак будет готов через пару минут.

— Исчезни... Так вот, не знаю, че там у него произошло — слил кто или сам очка пронес, только въебался наш Мишка с «порохом» этим. Прямо оперку нашему и въебался.

— Это которому? Зорину, что ли?

— Да, братан, ему, родимому. Вот тоже сучонок, хе-хе, как еще до сих пор сам не сел. Ведь ни хера не боится! Думает, Бога за яйца поймал. В общем, Зорин, долго не думая, *такую* сумму цыгану заломил, что у бедолаги глаза на лоб полезли. Он давай объяснять Зорину, что нету у него столько денежек, а тот ни на рубль не уступает, говорит: если не хочешь, мол, по-хорошему, то я делу ход даю, и тогда пиздец тебе, «Пабло», десятка — это как минимум... Гл-гл-гл... А-а-а-х... Хорошо. Эй, длинный! Водички повтори.

— А сколько Зорин хотел-то?

— Я не знаю, но, думаю, ой как немало. Мишка ведь не из жадности рогом уперся. Видать, и вправду цифра для него неподъемная, а он — ты сам знаешь — далеко не бедный. Разумеется, Мишка мог плюнуть на все и слить, к хуям, Зорина фээсбэшникам — да и дело с концом: впаяли бы обоим по самые яйца.

— Ваш завтрак: омлет с...

— Хер ли ты все комментируешь? По-твоему, я бы не догадался, что это такое? Свободен.

— Да-а-а, Винстон, рискует оперок наш. Ва-банк прет. К пенсии, наверное, готовится.

— Не скажи. Зорин не дурак, даром что мент. Он прекрасно понимал, что́ и кому́ предлагал. Мишке пара месяцев до «звонка» оставалась. Ясно как день — жопу порвет, но найдет деньги. Понимал, что дело его труба, что бабки надо достать — кровь из носу, иначе запустит его Зорин в такую пиздорезку, какая ему только в кошмарах снилась. Сидеть будет до второго пришествия. Это если повезет.

— Ну а мы-то здесь при чем?

— А при том, кенток, что денег таких у цыгана попросту нет. Зато он знает, где их по-легкому взять можно. О чем и рассказал Зорину. А он — мне.

— Ну?

— Баранки гну. В эту субботу Мишка ждет большую партию герыча. Фуру с грузом будут встречать его люди на двести пятидесятом километре трассы М4. Там гостиница есть небольшая. Говенная, но это и неважно. Ты едешь туда за сутки до назначенной встречи барыг — так, на всякий случай. Снимаешь номер и ждешь меня. Я приеду на следующий день, мне нужно будет задержаться в городе. Затем мы ожидаемся, когда те, кто приедет забирать товар, перекидают его к себе в тачку, валим их...

— ...и забираем товар себе.

— Да.

— Винстон, а-а... ты доверяешь Зорину? Он же мент.

— Ха! Мент он только по документам. Этот мудака столько всего наворотил за свою оперскую жизнь, что не каждому отморозку снилось. Да че я тебе рассказываю! Мы же вместе с тобой несколько раз по его наводкам двигались. И всегда удачно, забыл?

— Ни хера я не забыл. Просто хочу до конца во всем разобраться. Например, мне непонятно, зачем такой огород городить. Если, ты говоришь, у руля Мишка стоит, почему бы ему просто не отдать товар?

— Ну пиздец, прилетел утюг в голову. Как ты себе это представляешь? Мишка, конечно, у руля, но он ведь не один верховодит. Там народу тьма-тьмушая задействована. Что он им всем скажет? «Большое спасибо за помощь, а теперь отвезите весь героин по такому-то адресу и можете быть свободны». Так, что ли?

— Винстон, даже полному дебилу сразу станет понятно, кто стоит за налетом.

— Объясняю для особо тупых. Во-первых, не факт, что все стрелки на Зорине сойдутся, а уж на нас — тем более. Мало ли кому еще это может быть на руку. Там их, блять, целый табор, а бабки огромные. А во-вторых, даже если и допрет до этих индейцев, что сам же Мишка их и кинул, то тебе ли не похер? Пускай его хоть раком к стенке ставят, ебут и пытаются. Откуда цыгану знать, кого там Зорин к теме подключил? Или, ха, ты думаешь, они и мусора пытаться станут? Яиц не хватит с Зориным связываться.

— Ну хуй его знает. Сам же говоришь — бабки небольшие.

— Токарь, с каких это пор... Че ты опять приперся? Мы тебя звали?

— Извините, я закрываю смену. Не могли бы вы рассчитаться?

— Ебать ты прилипчивый. Сдачу оставь. Все, нарисуй сквозняк... С каких это пор ты такой ссыклявый стал, а, Токарь? Хотя пускай тебя это не беспокоит. Я знаю, как нам подстраховаться.

— Ты о чем?

— Неважно. Тебе сейчас на своей роли сосредоточиться нужно.

— Ладно, еще пара вопросов.

— Валяй.

— Какой план? Я имею в виду детали.

— Об этом после поговорим, на свежую голову.

Что еще?

— Что мы будем делать со всем этим говном?

— Не парься. Я уже обо всем договорился.

— Шустрый какой. Когда успел? Вчера только откинулся.

— Вчера и успел. Еще с зоны сделал пару звоночков. Кстати, это еще одна причина, почему Зорин подтянул именно меня. Я знаю, куда «порох» скинуть по-быстрому. Один очень крупный барыжка заберет его. Хоть и по дешевке, зато сразу и весь.

— Я еще, блять, героином не банчил...

— Эй! Ты эту херню для малолеток оставь. Мы же не собираемся им торговать. Просто отберем у одних барыг и отдадим другим. А нам за это денежка. И давай без блевотины этой, «банчил, не банчил». Знаешь, какие там бабки?

— Вот, кстати, нет. Какие?

— Даже при том, что скинем мы его за гроши, получится по двести кусков зелени на рыло.

— Сколько?!

— Че орешь-то? Хе-хе, вот и я о том же.

— Но по-любому думать, братан, надо.

— Ну, думай, думай. Только недолго. Край — до завтра. Есть аналгин?

— Да нету у меня. Ты уже спрашивал.

— Блять.

На свете найдется немало людей,
для которых мертвый враг испускает
благовоние и которые в мести нахо-
дят мускус и янтарь.

Томас Браун

Часть первая

ЗАПАХ МУСКУСА

ГЛАВА 1

Новенький черный «Ниссан патрул» неожиданно свернул на противоположную сторону междугородней трассы и резко затормозил. Машина чудом не зацепила летние столики придорожной кафешки. Посетители повскакивали со своих мест. Кто злобно, кто в недоумении — люди смотрели на подъехавший внедорожник. Поднятая машиной пыль медленно оседала на тарелках с завтраками.

Из «патрола» вышел мужчина средних лет и тут же, вытащив из кармана спортивных штанов четки, принялся виртуозно перебрасывать их между пальцами, покрытыми выцветшими бледно-зелеными наколками.

Его звали Токарь.

Без тени сожаления, обнажив два ряда тускло поблескивающих на солнце металлических зубов, он бросил:

— Не обессудьте, работяги! В последний момент решил тормознуть и похавать.

Посетители, хмуря брови и возмущенно покачивая головами, стали возвращаться на свои места.

— Тормознуть он решил, — пробурчал мужчина, чей столик ближе других стоял к дороге. Он с досадой смотрел на покрытые пылью кусочки шашлыка, в нерешительности ковыряя их пластиковой вилкой.

Глаза Токаря мгновенно заблестели злобой. Чуть щурясь от яркого солнечного света, он вгрызся страшным взглядом в дерзкого дальнобойщика и процедил:

— Че ты там булькнул?

Мужик удивленно обернулся. Внезапная агрессия со стороны Токаря выбила его из колеи. Он хотел было что-нибудь ответить на оскорбление, но, увидев перекошенное гневом лицо Токаря, лишь глупо промямлил:

— Ты мне?

— Тебе-тебе, хуйло, — Токарь сделал шаг в его сторону. — Я же извинился вроде. Чем ты еще недоволен, лошадь?

Перепуганная физиономия мужичка забавляла его.

— Скотина ебучая.

Мужик перестал крутить головой и вновь уставился в свою тарелку, будто искал в ней выход из положения.

Подойдя вплотную, Токарь навис над дальнобойщиком.

— Хули ты отвернулся? В лицо смотри, когда с тобой люди разговаривают.

Но тот упорно продолжал буравить тарелку бессмысленным взглядом, словно надеясь, что, если притвориться слепоглухонемым, Токарь отстанет от него или вообще растворится, как мираж.

Знакомый Токарю ступор. У мужика не хватит духу ни на какие ответные действия, но остатки гордости не позволят ему убежать или умолять оставить его в покое. Так и будет сидеть с тупой покорностью ко-

ровы, принимая на свою морду слабенькие, в пол токаревской силы, удары. Может, выставит вперед свои ручонки в бесполезной защите. И уже не будет думать ни о гордости, ни о чести, лишь бы его перестали бить. Знал Токарь и то, что, как только он уйдет, мужик этот начнет поносить его на чем свет стоит, стараясь изо всех сил убедить в первую очередь самого себя в том, что он вовсе не струсил, а просто «не желал связываться с дураком», что, если бы только захотел, мог бы запросто разбить Токарю рожу, просто «на фигу мне это надо, зашиб бы придурка ненароком, а потом сиди из-за него, уroda такого» — и прочая подобная жалкая болтовня.

Молодая парочка за соседним столиком (задроты — мимоходом окрестил их Токарь про себя за огромные диоптрии на их переносицах), не доев завтрак, собрала свои вещи и поспешила к желтому «Форду фокусу».

Токарь уже собирался отвесить притихшему дальнобойщику унижительный подзатыльник, как в этот самый момент услышал позади себя щелчок открываемой дверцы своей машины.

Он обернулся.

ГЛАВА 2

Из машины выглядывала девушка. Она без особого интереса посмотрела по сторонам и, оттолкнувшись руками от сиденья, по-мальчишески ловко спрыгнула на пропыленную землю.

Забыв о своем случайном маленьком развлечении, Токарь — а вместе с ним и все остальные — восхищенно смотрел на свою спутницу. Три дня — слишком короткий срок, чтобы привыкнуть к ее красоте.